

УДК 94(470.47)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ИНОРОДЧЕСКОЙ СРЕДЕ XIX в.: АНАЛИЗ НОРМАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ БАЗЫ

Ирина Владимировна Лиджиева

доктор исторических наук,
ФГБУН Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: irina-lg@yandex.ru

Аннотация

Предметом настоящей статьи выступает нормативная правовая база, регулирующая образовательный процесс кочевых инородцев Юга России в контексте интеграционных процессов, на примере калмыков, ногайцев и туркмен. Основу источниковой базы исследования составили непосредственно нормативные правовые акты, регламентирующие процесс становления и развития грамотности в среде инородцев, а также делопроизводственная документация разных уровней власти по данной проблематике, выявленная в фондах Российского государственного исторического архива, Национального архива Республики Калмыкия, Государственного архива Астраханской области и Государственного архива Ставропольского края. Основной акцент в исследовании сделан на реконструкции последовательности действий законодателя по регулированию процесса становления и развития грамотности кочевых народов, а также на выявление причин правовых трансформаций и характеристике социального контекста подготовки и введения в действие конкретных источников права по некоторым инородческим народам Юга России. В заключение автор приходит к выводу о том, что процесс формирования нормативной правовой базы, регулирующей вопросы приобщения кочевого инородческого населения к русскому языку в рамках учебных заведений как средству межкультурной коммуникации, одновременно как зависел от общероссийских тенденций, так и имел свои региональные специфические особенности.

Ключевые слова

Просвещение, образовательный процесс, нормативная правовая база, калмыки, ногайцы, туркмены, кочевые инородцы.

UDK 94(470.47)

EDUCATIONAL PROCESS IN A NON-RUSSIAN ENVIRONMENT IN THE 19th CENTURY: ANALYSIS OF THE NORMATIVE LEGAL FRAMEWORK

Irina V. Lidzhieva

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS),
Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: irina-lg@yandex.ru

Annotation

The subject of this article is the regulatory legal framework regulating the educational process of nomadic non-Russians in the South of Russia in the context of integration processes, using the example of Kalmyks, Nogais and Turkmens. The basis of the source base for the study was directly the regulatory legal acts regulating the process of formation and development of literacy among non-Russians, as well as paperwork documentation from different levels of government on this issue, identified in the funds of the Russian State Historical Archive, the National Archive of the Republic of Kalmykia, the State Archive of the Astrakhan Region and the State Archive of the Stavropol Territory. The main emphasis in the study is on reconstructing the sequence of actions of the legislator to regulate the process of formation and development of literacy of nomadic peoples, as well as identifying the causes of legal transformations and characterizing the social context of the preparation and implementation of specific sources of law for some non-Russian peoples of the South of Russia. As a result, the author comes to the conclusion that the process of forming a regulatory legal framework regulating the issues of introducing the nomadic non-Russian population to the Russian language within educational institutions as a means of intercultural communication at the same time both depended on all-Russian trends and had its own regional specific features.

Key words

Education, educational process, regulatory legal framework, Kalmyks, Nogais, Turkmens, nomadic non-Russians.

ВВЕДЕНИЕ

Поливариантная система управления в Российской империи была продиктована особенностью ее этнического состава, где констатировались неоднородность социальной структуры обществ, выступавших как инородцы, различная степень их интеграции в общероссийское пространство. Целью данной статьи является исследование проблемы формирования законодательной базы, регулирующей процесс становления и развития грамотности в инородческой среде Юга России в контексте интеграционных процессов, на примере калмыков, ногайцев и туркмен.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основу источниковой базы исследования составили непосредственно нормативные правовые акты, регулирующие процесс становления и развития грамотности в среде инородцев, а также делопроизводственная документация разных уровней власти по рассматриваемой нами проблематике, выявленная в фондах Российского государственного исторического архива, Национального архива Республики Калмыкия, Государственного архива Астраханской области и Российского государственного исторического архива.

Разработка данной проблематики основана на инструментарии историко-правового подхода. Применение историко-хронологического метода позволило реконструировать последовательность действий законодателя по регулированию процесса становления и развития грамотности в среде кочевых инородцев Юга России. Использование историко-системного метода дало возможность выявить основные причины правовых трансформаций и охарактеризовать социальный контекст подготовки и введения в действие конкретных источников права относительно кочевых обществ.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проблема развития светского образования в кочевых обществах Юга России, приобщения номадов к грамотности, является одной из самых разрабатываемых в отечественной историографии (Фарфоровский, 1909б, 1910, 1911; Ташнинов, 1969; Гимбатова, Зинеева, 2020; Команджаев А.Н., Команджаев Е.А., 2022). Образование в Российской империи на протяжении XVIII–XIX вв. носило религиозно-православный характер, и принадлежность к христианству, по утверждению С. В. Джунджузова, рассматривалась как один из маркеров благонадежности и позитивный фактор, способствующий приобщению инородцев к христианской цивилизации и «русскому миру» (Имперская политика, 2019: 265). Данный тезис на примере европейской истории получил подтверждение в исследованиях профессора Манчестерского университета В. Тольц, которая утверждает, что начиная с первой половины XIX в. главным оправданием европейского национализма стала концепция цивилизационной миссии, отражавшая уверенность европейцев в том, что в основном только они имеют возможность оказания благотворного влияния на население колоний (Тольц, 2013: 50).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Калмыки Астраханской губернии. Осознание необходимости приобщения инородцев к социально-экономической жизни империи рождалось не только во властных имперских структурах, но и во владельческих кругах калмыцкого общества, которые, понимая первоочередность задачи освоения русского языка своими подданными, обратились к местному главному чиновнику с предложением оказать необходимую помощь в организации различного рода школ в калмыцких селениях и близлежащих соседних городах, вызвавшим активную делопроизводственную переписку между регионом и столицей. Действительно, калмыцкое общество, на начальном этапе только привилегированное, остро нуждалось в образованных и квалифицированных кадрах, вследствие чего было кровно заинтересованно в эффективной интеграции своих подданных в общеимперское пространство. Национальная элита делала всевозможные встречные шаги к прилагаемым усилиям и действиям российских властей по приобщению неграмотных кочевников к светскому образованию. Ее представители не только голословно поддерживали важное для своего населения дело, но и всячески помогали практическим образом. Так, 29 декабря 1821 г. владельцы Хошеутовского улуса Серебджап Тюмень и Малодербетовского Эрдени тайши Тундутов письменно заявили главному приставу при калмыцком и туркменском народах А. В. Каханову о намерении поддержать идею открытия учебного заведения для калмыков, прислав 250 руб. и 500 руб. соответственно (РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 504. Л. 2). В свою очередь А. В. Каханов 5 января 1822 г., обозначив свою позицию о необходимости привлечения детей калмыцких владельцев к обучению русской грамматике, уведомил об этом рапортом Азиатский департамент, одновременно прося снабдить его предписанием о дальнейших действиях (РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 504. Л. 3).

В продвижении данного вопроса активную позицию занял управляющий Азиатским департаментом К. В. Нессельроде, который, сообщив письмом министру просвещения А. Н. Голицына об этом высказанном желании калмыцких владельцев, привел непосредственные аргументы в пользу поддержания инициативы калмыцкой элиты. По мнению руководителя иностранного ведомства, ключевым условием привлечения детей калмыцких владельцев к обучению русской грамматике выступало сохранение свободы религиозного вероисповедания (РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 504. Л. 5). На протяжении некоторого времени шло активное обсуждение на уровне глав двух министерств, с запросами компетентных мнений, в частности, председателя Департамента духовных и гражданских дел Государственного совета В. С. Попова и попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого. Однако, ввиду отсутствия финансовых возможностей, проекты об организации Института восточных языков и Калмыцкого училища сузились до открытия класса калмыцкого языка при Астраханской гимназии (РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 504. Л. 18).

В соответствии с высочайшим указом о преобразовании гражданского медицинского управления, данным Правительствующему сенату 17 июля 1836 г., школа на Аптекарском острове упразднилась. Для подготовки переводчиков калмыцкого языка и обучения калмыков Государственный Совет выдвинул предложение об учреждении

вместо закрытого класса училища в г. Астрахань. Министерство внутренних дел, с учетом предложения Госсовета, поручило астраханскому военному губернатору подготовить сообразно с «настоящими способами и нуждами калмыцкого народа, а равно с потребностями самого штата управления» проект организации калмыцкого училища. Вскоре был подготовлен указанный проект, который ведомством астраханского военного губернатора генерал-майора И. С. Тимирязева был направлен для получения компетентного мнения главному попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину (РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 70. Л. 1 об.).

14 ноября 1837 г. министр внутренних дел Д. Н. Блудов направил министру народного просвещения С. С. Уварову проект пансиона для детей астраханских калмыков с учётом замечаний и дополнений, сделанных М. Н. Мусиным-Пушкиным, и обратился к коллеге с просьбой высказать по нему своё мнение. С. С. Уваров в своей резолюции на подготовленном Министерством внутренних дел документе в целом положительно оценивает замечания главного попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина как «основательные» и в тоже время считает, что «воспитанники, окончившие курс в уездных училищах, не способны быть переводчиками» (РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 70. Л. 11). Астраханский военный губернатор генерал-майор И. С. Тимирязев высказал несогласие с подобным утверждением, считая, что «при усердном попечении главного местного калмыцкого и училищного начальства, и заботливости учителей очень будет легко видеть из воспитанников хороших толмачей и переводчиков» (РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 70. Л. 13-13 об.). В качестве весомого аргумента своей правоты он сослался на пример воспитанников калмыцкого класса в Санкт-Петербурге, которые «в продолжение немногих лет приобрели уже достаточные, а иные весьма хорошие познания в переводах словесных и письменных и занимают должности переводчиков и толмачей» (РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 70. Л. 14).

28 августа 1844 г. император Николай I подписал указ, объявленный министром государственных имуществ «Об открытии школ для детей татар и идолопоклонников» (Именной, объявленный, 1845: 531). Целью данного законодательного акта являлось распространение «религиозно нравственного образования» среди инородцев, исповедующих ислам и буддизм (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 35. Л. 30). Стоит сказать, что диспозиция правовой нормы содержала строгое предписание: «открыть школы сначала для приготовления в них писарей...». С целью подготовки миссионеров были открыты классы калмыцкого языка в 1838-1840-х гг. при Астраханском духовном училище (Очерки, 1967: 429).

23 апреля 1847 г. российский император подписал положение об училище для калмыков, которое стало первым законодательным актом, направленным на организацию образовательного процесса в Калмыцкой степи. Основная цель документа, состоящего из трёх глав и объединяющего 20 статей, отражена в главе 1 «Положения общие» и заключается в «распространении между калмыками русского языка и приготовления способных переводчиков и толмачей». Училище из 50 воспитанников учреждалось при Министерстве государственных имуществ и состояло в заведывании особого смотрителя под наблюдением главного попечителя калмыцкого народа. Кандидатура смотрителя училища избиралась главным попечителем и утверждалась военным губернатором. Штат училища составляли «дядька для присмотра, из

отставных унтер-офицеров» и два служителя из вольнонаёмных для прислуги и приготовления пищи воспитанникам» (Положение об училище, 1848).

В первой главе Положения законодателем был оговорён вопрос размещения училища «в особо устроенном для него здании», с разбивкой огорода, при Палате государственных имуществ.

Процедура набора и условия приёма воспитанников в училище раскрываются в главе 2 «О приёме в училище воспитанников». Обязательными условиями являлись достижение возраста от 8 до 12 лет и медицинское освидетельствование об отсутствии болезней, препятствующих обучению, по предварительному согласию родителей, в случае их отсутствия опекунов или старшего в семье. Дети-сироты принимаются по определению главного попечителя калмыцкого народа. При этом согласно ст. 5 преимущество при приёме имеют дети из семей нойонов и зайсангов, должностных лиц органов местного самоуправления. И только при отсутствии таковых кандидатур в училище принимались дети калмыков-простолюдинов.

В своем отчете за 1867 г. главный попечитель калмыцкого народа Картель писал: «Успехи грамотности в улусных школах представляют самые удовлетворительные результаты и вполне оправдывают попечение и надежды Правительства о развитии молодого поколения в народе. Обращая внимание на этот главный предмет особенное внимание ...» (РГИА. Ф. 381. Оп. 10. II разряд. Д. 20882. Л. 17 об.-18.). Калмыцкие владетели и нойоны всячески помогали содержать училище, постоянно оказывали материальную помощь. Так, согласно завещанию умерший в 1853 г. владелец Харахусо-Эрдниевского улуса Джиргал Цебек-Убушиев пожертвовал в пользу калмыцкого училища 200 руб., о чем Сенат препроводил заключение Министерству народного просвещения (РГИА. Ф. 733. Оп. 101. Д. 17. Л. 2).

Царская администрация также постоянно держала под своим контролем вопросы поддержки развития образования калмыков. 7 июля 1859 г. император подписал указ о распространении льгот от сборов и владельческих и казённых повинностей оспопрививателям и воспитанникам Калмыцкого училища из калмыков-простолюдинов, определяемых переводчиками и толмачами при улусных управлениях и учителями в улусные школы, на время их службы в означенных должностях (РГИА. Ф. 1341. Оп. 103. Д. 71. Л. 1-2).

По указу императора Александра II от 12 февраля 1868 г. с целью сохранения училищ и школ государственных крестьян в губерниях, где не введены земские учреждения, для обеспечения их содержания был введен особый сбор с каждой ревизской души, в Астраханской губернии 7 ½ коп. [ГА АО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49348. Л. 1-1 об.).

В Астрахани, на основании распоряжения министра государственных имуществ от 31 декабря 1867 г., в виде пилотного проекта на три года было открыто Калмыцкое женское училище на 20 воспитанниц «со специальной целью приготовления калмыцких учительниц» (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 130. Л. 3, 7). Приему в учебное заведение подлежали девочки в возрасте не моложе 11 и не старше 13 лет, «здорового телосложения, без важных телесных недостатков, хорошей нравственности и с умственными способностями». Главный попечитель калмыцкого народа, полковник К. И. Костенков, озабочиваясь делом успешного становления и дальнейшего развития Калмыцкого женского училища, поручил каждому улусному попечителю

лично произвести самый тщательный и строгий отбор, «имея в виду, что первые наставницы должны будут положить надежное основание этому благому учреждению для народа» (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 130. Л. 7). Кроме того, в январе 1868 г., в результате собственного отбора, он предписывал смотрителю училища для детей калмыков зачислить трех девочек: Шинин Тегусову, Кооку Генденову и Кооку Бачаеву (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 130. Л. 9).

27 октября 1871 г. К. И. Костенков, в преддверии завершения обучения первого набора Калмыцкого женского училища, обратился в Министерство государственных имуществ с ходатайством об открытии женских школ на 10 воспитанниц в восьми улусах с определением наставницами выпускниц Астраханского калмыцкого женского училища с жалованьем по 100 руб. в год каждой. Суть просьбы К. И. Костенкова несколько противоречила представленному им проекту развития степи в комиссию по устройству быта калмыков при Министерстве государственных имуществ. Так, по его предложению, комиссия предусмотрела финансирование только на 15 мальчиков в каждом улусе. При этом в своем ходатайстве К. И. Костенков предлагает сократить количество обучаемых мальчиков с 30 до 20, а за счет сэкономленных средств открыть классы для девочек.

Спустя три года, 20 января 1872 г., директор Департамента общих дел Министерства государственных имуществ М. Н. Медем, исходя из двойственности создавшегося положения, поручил повторно заинтересованным инстанциям войти с новым представлением по вопросу гендерного набора учащихся в улусных школах. При этом связанные с этим любые финансовые изменения, как считал он, не должны превышать рамки ранее утвержденной суммы. Бюджет на один учебный год каждой улусной школы составлял 1 300 руб. (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 134. Л. 4). При этом речь не шла о преобразовании учебной части калмыков. По оценке министра государственных имуществ, созданная по этому вопросу комиссия «ограничилась только изысканием средств к обеспечению процесса» (РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 464. Л. 65).

На основании представления доклада К. И. Костенкова министру государственных имуществ П. А. Валуеву 5 февраля 1872 г. последовало разрешение на открытие женских школ в улусах и в Мочагах в виде опыта с 1 мая того же года. Кроме того, по одобрению министра, на выдачу из калмыцкого общественного капитала единовременного пособия выпускницам Астраханского женского училища, которые были определены наставницами в улусные школы, было выделено 800 руб. (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 134. Л. 8 об.).

Калмыки, ногайцы, туркмены Ставропольской губернии. Образование в среде ногайского народа представляло собой особую ценность. По утверждению С. В. Фарфоровского, уже сразу при рождении ребенка отец готовился дать ему возможность выучиться арабской грамоте (Фарфоровский, 1909а: 31). На Северном Кавказе были широко распространены мектебы — мусульманские начальные школы для мальчиков (Гимбатова, Зинеева, 2020: 148).

Появление первых светских школ на территории кочевых народов Ставропольской губернии относится ко второму десятилетию второй половины XIX в., так как отмечался «недостаток письменных и словесных переводчиков, особое внимание уделялось вопросу учреждения при приставствах (улусе) школ для обучения русскому языку» (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 220. Л. 7-7 об.). Так, 28 октября 1861 г.

исполнявший обязанности наместника Кавказского А. И. Барятинский распорядился открыть в Большедербетовском улусе калмыцкое училище на 10 мальчиков с отчислением на его содержание 470 руб. серебром в год из общественного капитала. Практическая реализация данного распоряжения началась при главном приставе кочевых народов губернии П. З. Ланко. Осенью-зимой 1865 г. частные приставы и улусный Ставропольской попечитель в своих рапортах на предписание П. З. Ланко сообщали о состоявшихся общественных сходах, основным решением которых выступал приговор об учреждении школы для обучения русской грамоты (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 220. Л. 3, 6, 7). Переписка по этому вопросу продолжалась на протяжении нескольких лет и только в течение 1866 г. в приставствах открылись школы. Так, 25 сентября 1866 г. решением общественного схода было выдвинуто ходатайство о названии открытой школе на ставке Терекли Караногайского приставства «имя Государя императора Александра Николаевича в память чудесного избавления от покушения злодея» (ГА СК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5074. Л. 33). Все открытые школы находились под непосредственным наблюдением и руководством местного частного пристава/улусного попечителя (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 220. Л. 121 об.).

28 июня 1882 г. в официальных новостях, опубликованных в Ставропольских губернских ведомостях, сообщалось, что по ходатайству главного пристава кочующих народов в Ставропольской губернии и согласно принятым общественным приговорам, ставропольский губернатор разрешил открыть в текущем году еще два инородческих начальных училища в приставствах: Караногайском на 25 мальчиков и в Ачикулакском на 20 (Об открытии, 1880: 2).

В последней трети XIX в. стала популярна практика направления детей инородцев для обучения в учебных заведениях как Ставропольской губернии, так и соседних. Директор Кубанской учительской семинарии, узнав о невозможности открытия школ в среде калмыков Ставропольской губернии при одновременном их стремлении к получению образования, предложил губернатору направить к ним двух-трех мальчиков «для приготовления их к народным учителям». По условиям, предложенным директором, дети 13-14 лет могли быть «вовсе безграмотными, лишь бы несколько понимали русский язык», с оплатой за каждого из них 150 руб. в год (ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 470. Л. 4).

31 марта 1875 г. ставропольский губернатор барон М. А. фон дер Остен Сакен направил ходатайство с просьбой об отчислении по 500 руб. ежегодно на учреждении стипендии для обучения троих детей калмыков в Кубанской учительской семинарии (ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 470. Л. 12). Одобрение императора на ходатайство губернатора, который отметил «необходимость содействия стремлению калмыков Большедербетовского улуса к распространению грамотности» последовало 30 апреля того же года (ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 470. Л. 13).

В дальнейшем практика направления детей инородцев на обучение в действовавшие учебные заведения активизировалась при расширении географии учебных заведений. Дети калмыков, ногайцев и туркмен проходили обучение в учительских семинариях Ставрополя и Новочеркасска (ГА СК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2680. Л. 1), Донского среднего сельскохозяйственного училища (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1698), Московского сельскохозяйственного института (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1955), Харьковского коммерческого института (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2488) и др.

Процедура направления детей инородцев на обучение в учебные заведения уже не требовала принятия отдельных нормативных правовых актов, необходимо было иметь только распоряжение о выделении средств для стипендии из средств общественных капиталов. Такие финансовые средства на практике регулярно выделялись Обществами для поддержания способных детей и стимулирования успешной учебы. Ими из средств «домашних» капиталов учреждались стипендии (регулярные денежные пособия). Так, 18 февраля 1882 г. с высочайшего соизволения, общество туркмен Ставропольской губернии учредило при ставропольской мужской гимназии за счет средств «домашнего» капитала стипендию имени К. Л. Зиссермана в размере 5 000 руб. для обучения одного тухменского мальчика с оговоркой «если найдется желающий». В противном случае — одному из сыновей служащих в инородческом управлении (Неофициальная часть, 1888: 2). Такого рода стипендии были имени министров государственных имуществ, ставропольских губернаторов и главных приставов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ процесса формирования нормативной правовой базы, регулирующей приобщение кочевое инородческое население к русскому языку в рамках учебных заведений как средству межкультурной коммуникации, позволяет утверждать, что его регулирующие моменты одновременно зависели от общероссийских тенденций и имели свои региональные особенности. Кроме того, в исследовании был сделан ряд следующих выводов:

1. Принятие законодательных актов, непосредственно регулирующих открытие и деятельность образовательного учреждения для детей-инородцев, было главным образом обусловлено дефицитом толмачей и переводчиков, т.е. определено потребностями государства, а также инородческих обществ.

2. Основная масса нормативных правовых документов, направленных на регулирование образовательного процесса, как в индивидуальном, так и в групповом порядке, относится к подзаконным актам, т. е. принятым на уровне органов исполнительной власти.

3. Инициаторами открытия начальных светских школ на своих территориях выступают представители привилегированных слоев инородческого населения, которые оказывали финансовую поддержку таковым учебным заведениям на стадии их открытия и развития. Ими же выделялись именные стипендии детям, направленным на обучение в другие учебные заведения. И все же основным инструментом в деле развития образования среди инородческого населения служил общественный капитал.

4. Получение светского образования и первоначальных азов грамотности номадами способствовало более быстрому интегрированию кочевых народов Юга России в общеимперское правовое, экономическое и социокультурное пространство.

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН на 2025 г., № гос. регистрации 125011200150–2.

Литература и источники

Гимбатова, М. Б., Зинеева, З. З. (2020). К истории развития образования у ногайцев Северного Кавказа (XVIII–XX в.). *История, археология и этнография Кавказа*. 16. 1. 145–156.

Государственный архив Астраханской области (ГА АО).

Государственный архив Ставропольского края (ГА СК).

Именной, объявленный министром государственных имуществ «О открытии школ для детей и татар и идолопоклонников» (1845). *Полное собрание законов Российской империи* — 2. XIX. 1. 18177. СПб.: тип. П Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) (2019). Оренбург: Издательский центр ОГАУ.

Команджаев, А. Н., Команджаев, Е. А. (2022). Школы в Калмыцкой степи Астраханской губернии во второй XIX в. *Монголоведение*. 14. 2. 281–292.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Неофициальная часть. Телеграммы (1888). *Кавказ*. 15 марта. 71. 2.

Об открытии инородческих начальных училищ (1880). *Ставропольские губернские ведомости*. 26. 28 июня. 1.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период (1967). М.: Наука.

Положение об училище для калмыков (1848). *Полное собрание законов Российской империи* — 2. XXII. 1. 21145. СПб.: типография П Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 372–374.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ташнинов, Н. Ш. (1969). *Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР*. Элиста: Калмыцкое издательство.

Тольц, В. (2013). «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедения в позднеимперский и раннесоветский период. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение.

Фарфоровский, С. В. (1909а). *Ногайцы Ставропольской губернии: историко-этнографический очерк*. Тифлис: тип. П. П. Козловского.

Фарфоровский, С. В. (1909б). Народное образование среди ногайцев Северного Кавказа в связи с современным их бытом. *Журнал Министерства народного просвещения*. 2. 24. 179–212.

Фарфоровский, С. В. (1910). Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей. *Журнал Министерства народного просвещения*. 6. 26. 193–224.

Фарфоровский, С. В. (1911). *Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии*. Казань: Типо-лит. Имп. Университета.

References

Gimatova, M. B., Zineeva, Z. Z. (2020). On the history of the development of education among the Nogais of the North Caucasus (XVIII–XX centuries). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 16. 1. 145–156 (in Russian).

State Archives of the Astrakhan Region (GA AO).

State Archive of the Stavropol Territory (GA SK).

Named, announced by the Minister of State Property “On the opening of schools for children and Tatars and idolaters” (1845). *Complete collection of laws of the Russian Empire* — 2. XIX. 1. 18177. St. Petersburg: typ. II His Imperial Majesty’s Own Office (in Russian).

Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (on the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire) (2019). Orenburg: OSAU Publishing Center (in Russian).

Komandzhaev, A. N., Komandzhaev, E. A. (2022). Schools in the Kalmyk steppe of the Astrakhan province in the second XIX century. *Mongolian Studies*. 14. 2. 281–292 (in Russian).

National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK).

Unofficial part. Telegrams (1888). *Caucasus*. March 15. 71.2 (in Russian).

On the opening of foreign primary schools (1880). *Stavropol Provincial Gazette*. 26. June 28. 1 (in Russian).

Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period (1967). M.: Science (in Russian).

Regulations on the school for Kalmyks (1848). *Complete collection of laws of the Russian Empire* — 2. XXII. 1. 21145. St. Petersburg: Printing house of the II His Imperial Majesty’s Own Office. 372–374 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA).

Tashninov, N. Sh. (1969). *Essays on the history of education in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic*. Elista: Kalmyk publishing house (in Russian).

Tolz, W. (2013). “Russia’s Own East”: *The Politics of Identity and Orientalism in the Late Imperial and Early Soviet Period*. Per. from English M.: New Literary Review (in Russian).

Farforovskiy, S. V. (1909a). *Nogais of the Stavropol province: historical and ethnographic essay*. Tiflis: type. P. P. Kozlovskiy (in Russian).

Farforovskiy, S. V. (1909b). Public education among the Nogais of the North Caucasus in connection with their modern life. *Journal of the Ministry of Public Education*. 2. 24. 179–212 (in Russian).

Farforovskiy, S. V. (1910). Public education among the Kalmyks of Greater Derbet in connection with their life and history. *Journal of the Ministry of Public Education*. 6. 26. 193–224 (in Russian).

Farforovskiy, S. V. (1911). *Trukhmens (Turkmens) of the Stavropol province*. Kazan: Tipo-lit. Imp. University (in Russian).